

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕЙ ЛИРИКИ ГОТФРИДА БЕННА («СТАТИЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ», 1948)

В. Н. Николаева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

lerapalminaaaa@gmail.com;

науч. рук. – Г. В. Синоло, канд. филол. наук, доц.

Целью данного исследования является выявление художественных особенностей поздней лирики выдающегося немецкого писателя Готфрида Бенна (Gottfried Benn, 1886–1956) на примере сборника «Статичные стихотворения» («Statische Gedichte», 1948). Показаны социокультурные обстоятельства и художественные тенденции, которые оказали влияние на творчество Г. Бенна и отразились в его позднем творчестве. Прослежен разрыв поэта с установками экспрессионизма и его обращение к классической форме, фрагментарности, перспективизму, показана глубокая философичность его поздней лирики. Установлено, что философско-эстетическое и художественное осмысление действительности и самой поэзии тесно связаны у позднего Г. Бенна с понятием «чистое искусство».

Ключевые слова: Готфрид Бенн; немецкая поэзия; экспрессионизм; «чистое искусство»; скептицизм; перспективизм; фрагментарность.

Одной из самых трагических страниц в истории и культуре Германии была первая половина XX вв. На фоне Первой и Второй мировых войн, инициатором которых была Германия, особенно остро ощущался духовный кризис, порабощение человека тоталитарной системой. Одним из тех, кому среди других немецких интеллектуалов предстояло переосмыслить этот кризис и выработать пути спасения гуманистических ценностей, был поэт, эссеист и врач Готфрид Бенн (Gottfried Benn, 1886–1956). Общепризнанно, что Г. Бенн является одним из самых крупных и неоднозначных лирических гениев Германии. Наблюдая за происходящим в Германии изнутри, будучи в некоторой степени частью тоталитарного механизма периода нацизма, Бенн глубоко осмысливает и формирует основные понятия и принципы эпохи.

Как известно, Г. Бенн дебютировал с младшим поколением экспрессионистов. Раннему Бенну были близки, как отмечает Г. В. Синоло, «мировидение экспрессионистов, их особенности и манеры – катастрофичность их мышления, предельная обобщенность образов и одновременно их наглядность...» [3, с. 19]. Следует, однако, подчеркнуть, что бенновский экспрессионизм имеет свои специфические черты, во многом отличающие его от современников и «соратников» по течению, так же как своеобразием отличался экспрессионизм одной из зачинательниц этого течения Эльзы Ласкер-Шюлер, с которой Бенна связывали близкие творческие и личные отношения. И если в раннем творчестве Бенн ставит целью отразить действительность во всей ее неприглядности, показать ее трагичность и жестокость, бессмысленность и ничтожество человека (при

этом превалирует тяготение к «вещности», материальности изображения, своеобразный барочный натурализм, возрожденный экспрессионизмом), то на зрелом и позднем этапах творческого развития поэт переходит от быта к бытию, полностью углубляясь в философию, в «чистое» искусство. Сам Бенн в автобиографическом сборнике «Двойная жизнь» («Doppelleben») ставит диагноз своей ранней лирике: «Я стал вспоминать, это было тяжелое заболевание... <...> наполовину лирическая эпилепсия, наполовину моральная летаргия» [1, с. 138]. По сравнению с ранней «лирической эпилепсией» зрелая лирика Бенна – это мужественная тоска, лирическая меланхолия чуткого и верного своим идеалам автора.

Переломным моментом в творческой биографии Бенна, как и в исторической судьбе Германии, можно считать период нацизма, а затем крушения нацистского режима. Социально-культурный контекст неизбежно отразился как на судьбе самого автора, так и на его творческих тенденциях. На первых порах поэт поддерживает новый режим, видя в нем возможность для немецкой культуры вернуться к неким мифологическим древнегерманским корням и достичь подлинного величия. Однако очень скоро эти иллюзии рассеялись. Уже в 1934 г. писатель меняет мнение и упрекает национал-социалистов в абсурдности их программы. В подтверждение этому он без страха за свою жизнь выпускает ряд антинацистских статей, после чего его отстраняют от должности руководителя поэтической секции Прусской академии, которую он возглавлял в 1933–1936 гг., и запрещают публиковать его произведения. Фактически с этого момента Бенн начинает писать «в стол» и еще больше углубляется в себя. До конца своей жизни он усердно и плодотворно работает, так и не увидев плоды своего труда опубликованными.

Переход Бенна к поэзии «новых традиций» чрезвычайно ощутим: экспрессионистский герой-бунтарь приобретает умиротворенный и уравновешенный характер, формально разорванная и хаотичная поэзия трансформируется в чистую классическую форму. Поэт обращается к строгой рифме и силлабо-тонической метрике. Особенно показателен для позднего Бенна сборник «Статичные стихотворения» («Statische Gedichte», 1948), в котором он наиболее ярко отразил основную цель своего творческого пути – триумф поэтической и формотворческой воли.

На протяжении всей жизни Бенн оставался верен своим убеждениям, не только никогда не отрекался от своих ранних философских воззрений, но и совершенствовал их. Так, основная философская концепция писателя заключалась в том, что в мире есть лишь всеобъемлющая пустота, в которой находится заточенное «Я» (уже в ранней лирике появляется это понятие – *Ich-Begriff* («Synthese», «Fleisch», 1917). Этот концепт в окончательной формулировке представлен в стихотворении «Лишь две вещи» («Nur zwei Dinge») из цикла «Опьяненный поток» («Trunkene Flut», 1935, mit Epilog – 1949):

Durch so viel Formen geschritten,
durch Ich und Wir und Du,
doch alles blieb erlitten
durch die ewige Frage: wozu?

...

Ob Rosen, ob Schnee, ob Meere,
was alles erblühte, verblich,
es gibt nur zwei Dinge: die Leere
und das gezeichnete Ich [2, S. 444].

‘Через многие формы пройдя [многие формы освоив], / через Я и Мы и Ты, / но все остальное претерпеть [но остается еще все претерпеть] / через вечный вопрос к чему [для чего]? // <...> Розы ли, снег ли, моря ли, / все что расцветает, поблекнет, / есть лишь две вещи: пустота / и вписанное [в нее] Я’ (здесь и далее подстрочный перевод наш. – В. Н.).

Здесь наблюдается присущая позднему Бенну фрагментарность, появляются рифма и четкая силлаботоника. Особую проблему представляет адекватный художественный перевод ввиду невозможности сохранить звукопись, в связи с чем теряется особая поэтическая суггестия: анафора первой строфы *durch – durch – durch* и сохранение повтора на фонетическом уровне с помощью аллитерирующего *doch*; изобилие ассонансов, создающих повышенную мелодичность: *durch Ich und Wir und Du; blieb erlitten; ob Rosen, ob Schnee, ob Meere*.

Следующий принцип бенновского стиля – стремление к «чистому искусству». Поэт ставит в центр только самое важное, очищая поэзию от «всего ненужного», вплоть до избавления от излишних частиц. Особое внимание уделяем тому, как Бенн дифференцирует местоимения «Я», «Мы», «Ты», которые не являются отсылкой к самому автору, обществу и конкретному человеку, но подразумевают под собой лишь отделенные друг от друга тождественные субстанции в прямой оппозиции «Я как сущность», «Я среди человечества», «Я в глазах человечества». Отдельный интерес вызывает словосочетание «вписанное Я», которое не имеет никакого отношения к автору и тем более к лирическому Я, о чем свидетельствует определенный артикль *das*. С одной стороны, следует предположить, что автор намеренно употребляет артикль к коннотативному значению именно субстанциальности этого «Я», т.е. закладывает некий абстрактный образ, с другой стороны, учитывая то, что Бенн – коренной северянин, возможно предположение грамматически-лексического инварианта, употребляемого в немецком языке этого региона. Элементы природы (розы, снег, море) коррелируют с мотивом физической смерти: все природное расцветает, но «угасание» неизбежно, и Бенн намеренно заключает это в единую строфу, проводя связь: физическая смерть естественна и предугазана, но после нее остается две вещи: Я и Пустота.

В поздней лирике Бенн находит свой метод «борьбы» с Пустотой: он преодолевает ее с помощью Мысли. Лишь так можно оставаться воистину живым: «Kommt, reden wir zusammen, / wer redet, ist nicht tot» [2, S. 428–429] ‘Входите, порассуждаем вместе, / кто рассуждает, тот не мертв’. Мыслящий живет – одна из важнейших философских идей поэта, ибо лишь в постоянном рассуждении можно дойти до истины. Но и на этом гений мысли не останавливается, выводя следующий аспект своей философии: мыслить и рассуждать – не значит *знать*, но лишь *догадываться* о вечном «Ничто»: «Erkenntnis – dir, doch nicht zu künden / Und nichts zu schließen, nichts zu sein» [2, S. 318] ‘Знание – тебе, однако ничего не извещает / и ничего не заключает, нет ничего [оно есть ничто]’.

Как фигура Бенна выделялась из рядов экспрессионистов, так он оставался «аутсайдером» и в период зрелого творчества. Поэт вступал в коммуникацию с некоторыми поэтами, художниками, философами, даже завязывал очень крепкую дружбу (Э. Ласкер-Шюлер) и охотно дискутировал (Л. Кракауер, М. Хайдеггер, С. Третьяков), однако речь не о внешнем отчуждении, но о внутреннем, «поэтическом». Бенн не остерегался конкуренции, но не хотел делить свою «лабораторию слова» с иными; сюда уместно отнести и фактор презрения «коллективного творчества». В этом отражается максимализм и эмпиризм Бенна. Чтобы раз и навсегда донести свою позицию «творческого маргинала», он оставляет публике хлесткое сатирическое обращение «Пролог ко всегерманскому турниру» («Prolog zu einem deutschen Dichterwettstreit» [2, S. 470]).

Для образованного интеллектуала, особенно художника, такая позиция логична и приемлема: при таком подходе феномен искусства приобретает более сакральный, сокровенный характер. В центре остаются лишь Искусство и Художник, что проявляет себя в полемике автора с самим собой. Бенн чаще всего делает это с помощью риторических вопросов, на которые со временем дает ответы. Никак иначе, чем жизнь внутри поэзии, это невозможно назвать. Бенн создает не просто художественно и идейно оформленный текст, он демонстрирует свое внутреннее развитие, свои духовные поиски, которые обретают смысл и воплощение только в поэзии. В стихотворении «Тень на стене» («Ein Schatten an der Mauer») поэт вопрошает: «Wie weit willst du noch gehen?» [2, S. 334] ‘Как далеко еще ты хочешь пойти?’ – и завершает дополнительным вопросом: «Wo ist er hin» [2, S. 334] ‘Куда он идет?’ В более позднем стихотворении «Статичные стихотворения» («Statische Gedichte»), давшем название всему сборнику, Бенн сам и отвечает: «Richtungen vertreten! / Handeln / Zu und Abreisen / Ist das Zeichnen einer Welt» [2, S. 322] ‘Менять направление! / Действовать, / Чтобы прибыть и отбыть [приходить и уходить], / Есть рисование [изображение] этого мира’. В последней строке стихотворения говорится: «...dann sinken lassen / du weißt für wen» [2, S. 322] ‘...затем упасть [спуститься], / ты знаешь для чего’.

Структурное построение поздней лирики Бенна можно сравнить с методом дедукции, когда от более общих понятий приходим к частному. Так и философско-эстетические аспекты, над которыми размышляет поэт, сужаются до одной, наиболее значимой и вечной: Искусство. Особенно много в лирике последних лет Бенн рассуждает о значимости и истинности Слова. В этом плане наиболее показательны стихотворения «Ваши этюды» («Eure Etüde»), «Стихотворение» («Gedicht»), «Структура предложения» («Satzbau»), «Статичные стихотворения» («Statische Gedichte»), «Что есть плохое?» («Was schlimm ist?»), «Портреты» («Bilder»), «Монолог» («Monolog»). Автор вступает в прямой контакт со Словом, где последнее буквально внедряется внутрь поэта, становится его единственным влечением, вечной терзающей целью и мечтой сквозь года, как в стихотворении «Слова» («Worte»):

Allein: du mit den Worten
und das ist wirklich allein.

Du siehst Ihnen in die Seele
Nach Vor- und Urgesicht,
Jahre um Jahre – quäle
Dich ab, du findest nicht.

Nur deine Jahre vergilben
In einem anderen Sinn,
bis in die Träume, Silben –
doch schweigend gehst du hin [2, S. 410].

‘Один: ты со Словами, / и это истинное одиночество. // Ты смотришь им в душу, / на их суть и стать, / Год за годом – выносишь [страдаешь], / Но не находишь (их). // Лишь годы твои пожухнут / В ином смысле, / до самых глубин [мечтаний], слоги – / молча уходишь в них]’.

Еще один важный принцип Искусства, согласно Бенну, имеет не столько философский характер, сколько эстетический: стремление к совершенству «вечной формы»: «...formstill sieht ihn die Vollendung an» [4, S. 188] ‘...в неизменности [вечности] формы узрел [разглядел] он совершенство’ («Wer allein ist»). Сложно утверждать, что Бенн постигает оба принципа в отдельности, скорее они образуют симбиоз. Понимание творчества этого автора требует чуткого внимания к его словам. В «Статичных стихотворениях» ясно обозначен симбиоз совершенства формы и ее роли в творческих исканиях поэта: «Perspektivismus / Ist ein anderes Wort für Statik» [2, S. 322] ‘Перспективизм – / иное слово для статики’. Статику, то есть равновесие тел, Бенн приравнивает к перспективизму (по Ницше), фактически закладывая идею баланса между хаотичным, неукротимым (дионисийским) и соразмеренным, рациональным (аполлоническим). Рациональной и совершенной является

форма, а весь идейный вакуум – хаотичен, непреодолим, ничтожен. При их воссоединении жизнь обретает свой определенный смысл, становится устойчивой. Бенн транслирует читателю мысль о том, что преодолеть хаотичное невозможно, но, достигнув совершенства формы, можно получить тот самый баланс, «статику».

Крайний эстетизм и радикальность Бенна делают его поэзию неповторимой и выразительной, находится ли в ее центре морг с секционным столом на дне самого ада (ранний сборник «Морг»), или торжество чистого разума и гармонии перед лицом Вселенной. На протяжении всего творчества Бенн усердно работает над каждым словом, открывает читателю множество новых смыслов, касающихся воплощения жизни в искусстве и самого искусства. По его глубокому убеждению, его поэзия есть образец «чистого искусства».

Библиографические ссылки

1. *Бенн, Г.* Двойная жизнь. Проза, эссе, избранные стихи / Г. Бенн. – М. : Летний сад, 2011. – 604 с.
2. *Бенн, Г.* Собрание стихотворений / Г. Бенн; сост., предисл., примеч. и пер. с нем. В. Топорова. – СПб. : Издательская группа «Евразия», 1997. – 512 с.
3. *Синило, Г. В.* Осмысление войны в немецкой поэзии барокко и экспрессионизма / Г. В. Синило // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т; редкол. : А. А. Гугнин (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : ПГУ, 2017. – С. 91–111. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/184918> – Дата доступа: 27.11.2021.
4. *Benn, G.* Gesammelte Werke : in 4 Bd. / G. Benn; hrsg. von D. Wellershoff. – 3. Aufl. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1993. – Bd. III. – 400 S.